

1-й экз.

Год издания VIII

Выходит 4 раза в год

ЭР

Госуд. публичная
историческая
библиотека Г. С. ССР
106805
2000492

Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

№ 18

1953

«ПОСЕВ»

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА

А. Бунин	
Сны	3
А. Касим	
Стихотворения	7
Б. Филиппов	
Счастье	11
Г. Андреев	
Будет хорошо	29

250-летие ПЕТЕРБУРГА

А. Лисицкая	
Стихи о Петербурге	36
Г. Петров	
Ленинградский Петербург	39
Ф. Барков	
Строители Петербурга	51

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО В СССР

В. Гроссман	
Главы из романа «За правое дело»	57
Н. Анатольева	
В неравном бою	109

ИЗ ОПЫТА МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

В. Самарин	
Фронт в тылу	118

ИСКУССТВО

В. Ильин	
Сергей Прокофьев	130

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Л. Р. — Новые издания И. А. Бунина;
Т. Алексинская — Разбирая архив
И. А. Бунина; Л. Р. — Книги Б. Ширяева;
Е. Т. — «Встречи»; Алексей Ремизов — Дар сказывать; В. Арсеньев — «Новый Град»; А. Н. — Лицом к лицу; В. А. — «Детство императора»; А. Кашин — Новое зрение; А. Билимович — «Философская нищета марксизма»

СНЫ

В поле было холодно, туманно и ветрено, смерклось рано. Еле светили подкрученные фитили ламп и резко воняло керосином в пустом вокзале нашей захолустной станции, на буфетной стойке в третьем классе спал под тулупом станционный сторож. Я прошел в комнату для господ — там медленно постукивали в полусумраке стенные часы, на столе желтела прошлогодняя вода в графине... Я лег на вытертый плюшевый диван и тотчас уснул, утомленный тяжелой дорогой под дождем и снегом. Спал я, как мне казалось, долго, но, открыв глаза, с тоской увидел, что на часах всего половина седьмого.

«И прошел тот день к вечеру темных осенних ночей», вспомнилась мне печальная строка из какой-то старой русской книги.

Попрежнему было холодно и тихо, попрежнему чернела за окнами тьма...

Когда часы нерешительно, точно раздумывая, пробили восемь, где-то завизжала и гулко хлопнула дверь, а на платформе жалобно заныл звонок. Выйдя в третий класс, я увидел мещанина в картузе и чуйке, который, поставив локти на колени и положив в ладони голову, неподвижно сидел на скамье.

— Это поезд вышел? — спросил я.

Мещанин встрепенулся и взглянул на меня испуганно. Потом что-то пробормотал и, нахмурившись, быстро пошел к дверям на платформу.

— У него жена в родах помирает, — сказал проснувшийся сторож, сидя на буфетной стойке и вертя цыгарку из газетной бумаги. — У всякого,

значит, свое горе, — прибавил он рассеянно и вдруг сладко зевнул, оживленно, с непонятным злорадством, заговорил:

— Вот тебе и женился на богатой! Второй день мучается, Царские Врата в церкви отворили — ничего не помогает! Теперь в город за доктором скачет, а к чему, спрашивается?

— Думаешь, не поспеет?

— Никак! — ответил сторож. — Воротится он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрет. Беспременно помрет, — прибавил он убежденно. — Три раза, говорит, на орakuл кидал, — кто мол, раньше помрет, я али жена, и три раза выходило одно и то же. Перва... как это? «Нечего тебе простирать в даль свои намерения», а потом и того хуже: «Молись Богу, не пей вина и пива и готовься в монастырь». А вчерась, говорит, во сне видел: будто обрили его до гола и все зубы вынули...

Он, верно, говорил бы еще долго, но тут тяжело зашумел подходящий товарный поезд. Снова завизжала и заныла входная дверь, показался кондуктор в тяжелой мокрой шинели с оторванным на спине хлястиком, за ним смазчик с тусклым фонарем в руке... Я вышел на платформу.

Там я долго ходил в темноте ветреной, сырой ночи. Наконец, сотрясаемая зазвеневшие рельсы, загорелся в тумане огромными красными глазами пассажирский паровоз. Я поднялся в полутемный, теплый и вонючий вагон, переполненный спящим народом, и уже на ходу поезда нашел свободную скамейку в углу около двери в

другое отделение. В зыбком сумраке вокруг меня беспорядочно темнели лежащие на лавках и на поднятых спинках лавок, под полом гудели колеса, и, закрывая глаза, я все терял представление, в какую сторону идет поезд. Но прошел истопник с кочергой, похожий на негра, и не затворил возле меня двери. Послышался говор, потянуло махоркой. . . Мещанин, ехавший в город за доктором, сидел и курил с угрюмым, сосредоточенным выражением лица на краю четвертой от двери лавки у чьих-то ног, а за растворенной дверью возле меня, в дымном сумраке под фонарем, тесной кучкой курили мужики и слушали кого-то, сидевшего против них.

— Да-а, братцы мои, — слышался сквозь гул бегущего вагона чей-то голос: — Да-а. И попадись в это самое разнесчастное село старичок священник из Елифани. Перевели его, значит, из города в самый что ни на есть бедный приход, а за что перевели — пил дюже. . . значит, и перевели вроде как бы в наказание. А старичок-то пить-то пил, да оказался такой, что лучше и не надо. «Сколько, мол, о. Петр, за кстины аль за похороны берете?» — «Не я, свет, беру, а нуждишка! Сколько силы твоей есть» . . . И вот так-то всегда. Перевели его, значит, весной, пробыл он честь-честью лето, а осенью и захворай. Года, что ли, такие, али простудился он, — лето-то, сами знаете, какое было, — только видимое дело, слабость стал. И вот, братцы мои, почувявши такую историю, вышел он на Покров после обедни к народу — и простился со всеми: «Должно, говорит, скоро я преставлюсь к Господу Богу, миряне, — простите, ежели согрешил что» . . . И, сказавши таким манером, поклонился народу и ушел в алтарь. А пришедши домой, сел было обедать, есть не наел, только ложкой помутил, встал и говорит сторожу, что при ём заместо служки был: «Что-й-то, говорит, мне холодно, свет, и так-то скушно, — просто мочи нет. Все дочка покойница вспоминается, все будто ждет она меня к себе . . . Убирай, мол, со стола — не идет мне еда на ум».

— «Напрасно вы такие речи говорите, папаша, — это сторож-то ему, — напрасно, мол, так скучились. Какие такие ваши года?» — «Нет, говорит, помру! Только дюже, говорит, везде горя много, и ужли никакой тому перемены не буде?» А на дворе, не хуже теперешнего, льет, незгода и уж вечер заходит. Поглядел этак старичок в окошечко, махнул ручкой и ушел к себе в горницу. А в горнице opravил лампадку да и прилег на часок. То-ли он спал, то-ли так, в забытьи лежал, только уж ночь на дворе, а он все лежит да лежит . . .

— Вон она, дело-то какая! — сказал кто-то с глубоким вздохом. — На Покров, говоришь, вышло то все это?

— Да ведь сказали, на Покров! — сумрачно перебил сильным голосом большой рыжий мужик с злыми глазами, в рваном полушубке, сидевший на краю лавки против рассказчика.

— На Покров, на Покров, — подтвердил рассказчик. — Вечером. Ушел, говорю, к себе в горницу и лег. . . Да-а . . . Ушел и лежит и так будто утрелся на лежаночке, супротив лампадки, что никак не может подняться, помолиться да лечь как следует. Лежу, говорит, гляжу на лампадку и вдруг вижу: отворяется тихенько-тихенько этак дверь и входит ко мне дочь покойница. «Что такое, думаю, что за притча такая, Господи?» А она проходит прямо ко мне и кладет мне руку на руку. Сама вся в черном, а лицо белая, белая да красивая! И этак вполголоса: «Встань, говорит, батюшка, иди поскорее в церковь». Я р-раз с постели, а ей уж нету! Посидел я, посидел, и, что больше сижу, все чудней и страшней мне становится. Вскочил наконец того на ноги, захватил ключи от церкви, накинул шубенку, выбрался в сенцы . . . Темь, жуть, сенцы так и гудут от бури, — нет, думаю, надо итить! Спешу на гору, дохожу до церкви, — глядь, а там огонек теплится, ровно бы покойник на ночь поставлен. Оробел я опять, одначе перекрестился — и на паперть. Насилу ключом в замок попал. Отворяю дверь — нет тебе никакого покойника, а толь-

ко горит свечечка над Царскими вратами. Кто ж это, думаю, ее зажжет, что такое буде? Стою ни жив, ни мертв, вдруг — р-раз! — отдернулась занавесь на Царских вратах, растворяются этак широко и тихо двери и выходит из темени, из самого, значит, алтаря огромный красный кочет. Вышел, остановился, затрепыхал крыльями и как закричит на всю церкву: ку-ка-ре-ку! Пропел до трех раз и пропал. И только, значит, пропал, выходит из алтаря другой, белый, как кипень, и запел еще громче прежнего. И опять до трех раз... У меня, рассказывал священник поутру, руки, ноги отнялись, а я все стою и жду, что будет дальше, а дальше выходит и третий: черный, как головешка, только гребешок светится, и запел он, братцы мои, таково жутко и строго, что опустился я на колени и говорю этак внятно и раздельно на всю церкву: «Да воскреснет Бог и расточатся враги Его!» И только, это, сказал я — нет тебе никаких кочетов, а стоит предо мною седенький-седенький монашек и говорит мне тихим голосом: «Не пужайся, служитель Божий, а объяви всему народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшия дела!»

— Вот за это-то за самое и называют вашего брата храпоидолами, чертями, — громко сказал мещанин, открывая глаза и угрожающе нахмуриваясь. — Ночь, скука, а он ишь как-кая суеверия сидит разводит! Ты к чему все это гнешь-то, а?

— Да ведь я ничего плохого, — несмело пробормотал рассказчик.

— Позволь, ты откуда взял-то все это?

— Как откуда? Сам священник, говорят, рассказывал.

— Священник энтот помер, — перебил мещанин.

— Это верно, верно... помер... вскорости и помер...

— Ну, значит, и брешут на него, что в голову влезет. Ведь это сновидение. Дубина!

— Да я-то про что ж? Известно, сновидение.

— Ну и молчи, — опять перебил

мещанин. — Да и курить-то давно пора бросить, надымил — овин чистый!

— В первый класс иди, коли не ндравится, — сипло и зло сказал рыжий мужик.

— Побреши еще!

— Брешут собаки да твои свояки!

— Буде, буде, ребята! — закричали мужики, заволновавшись.

Бранившиеся смолкли, и в вагоне на время наступила тишина. Потом мещанин вздохнул:

— Ну и стерва, прости Ты меня, Господи, — задумчиво сказал он таким тоном, точно был в вагоне один.

И опять наступила тишина с глухим говором колес, храпом и дыханием спящих.

— А за что ругаться-то, — спросил рассказчик, когда бранившиеся угрюмо успокоились. — Кто первый начал-то? Ведь ты! Мы балакали промеж себе...

— Чо-орт! — ответил мещанин поспешно, и голос его страдальчески дрогнул. — Ведь ночь, скука, а у меня, может, жена и дите помирают. Пойми!

— Горя-то и у других не мене твоего, — ответил рыжий мужик.

— Не мене! — передразнил мещанин. — Я, может быть, тысячи не пожалел бы теперь на доктора, а он за сто верст, а дорога — ни проходу, ни проезду! Вчерась измаялся, ткнулся в чем был на постель и вижу — будто обрили меня до-гола и все зубы вынули! Пойми — сладко?

— Ага! — сказал рыжий мужик. — Покаялся! А то — сновидение!

— До Туровки кто имеет билеты? — прокричал кондуктор, проходя по вагону.

И, осветив фонарем чьи-то ноги, крепко хлопнул возле меня дверью в соседнее отделение.

Поднявшись с места, я снова отворил ее и стал на пороге. Мещанин сидел, спал, согнувшись, а рыжий мужик говорил со сдвинутыми бровями тому, который рассказывал:

— Ну, ну, даказывай дальше.

Несколько полушубков стеснилось вокруг рассказчика, несколько серьезных глаз блестело в дымном сумра-

ке глухо гудящего и бегущего вагона. Рассказчик вздохнул и уже хотел было начать говорить, но тут рыжий поднял на меня глаза и силло сказал:

— А тебе, господин, что надо?

— Послушать хотел, — ответил я.

— Не господское это дело мужицкие побаски слушать.

— Да-а, братцы мои, — снова заговорил рассказчик прежним тоном, как только я отошел, — и стоит, значит, перед ним седенький, седенький монашек и говорит ему тихим голосом: «Не пужайся, мол, служитель Божий, а слушай и объяви народу, что, мол, означает твоя видение. А означает она ба-альшие дела»...

Но, начав громко, рассказчик мало-помалу стал понижать голос. Тщетно я вслушивался — все тонуло в ропоте колес и в тяжком храпе спящих. Заслышав сквозь этот ропот и храп далекий заунывный свисток паровоза, возвещавший о станции, с лавки возле меня поспешно вскочил юнкер в очках, оглянулся вокруг себя странными глазами и, опять быстро опустившись на скамью и облокотившись на свой сундучок, тотчас же опять заснул. Какая-то пожилая женщина в темном ситцевом платье поднялась, болезненно морщась, и поплелась в сени. Лежащие, мешки, сундуки и полушубки составляли грубую и печальную картину, которая раскачивалась передо мною. Мужик, рассказывавший про петухов, сидел, подавшись вперед к рыжему, и что-то негромко, но горячо говорил, но, когда я настораживался, чтобы расслышать,

что он говорит, из дымного сумрака против меня ничего не было слышно, только блестели серьезные и злые глаза.

P. S.

Рассказ «Сны» написан мною в конце 1903 г., — полвека тому назад! — сдан был наспех в первый сборник «Знания» и напечатан в нем без моей корректуры, — я был тогда в Ницце, — чем и объясняются многие погрешности этого рассказа в его первой редакции (ныне мною устранимые). Весь он — вымысел, кроме того, что в нем главное, — вещее и даже зловещее, ибо уже не далек был роковой 1905 год, начало гибели России, — этот сон старичка священника, те три петуха, которых он будто бы видел и слышал ночью в своей церкви. Разговоры о них шли тогда в народе упорно, а лично я о них слышал в нашем уездном городе, в Ельце, в базарном трактире, от мещан, пивших там чай. Рассказ мой, повторяю, был в некоторых частностях далек от совершенства (и, как я уже сказал, не совсем по моей вине). Однако, вот что писал о нем Чехов в письме к Амфитеатрову 13 апреля 1904 года, незадолго до своего рокового отъезда за границу:

«Пишу я теперь мало, читаю много. Сегодня читал «Сборник» изд. «Знания», между прочим горьковского «Человека», очень напомнившего мне проповедь молодого пола, безбородого, говорящего на о, прочел там и великолепный рассказ Бувина. Это в самом деле превосходный рассказ, есть места просто на удивление, и я рекомендую его Вашему вниманию».

Я узнал об этом отзыве Чехова совсем недавно — из собрания Чеховских сочинений и писем, вышедшего в Москве тоже сравнительно недавно. Узнал, конечно, с большой радостью.

Париж, 1953 г.

Ив. Бунин